

© 1998 г.

Э.В. ТАДЕВОСЯН

ЭТНОНАЦИЯ: МИФ ИЛИ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?

ТАДЕВОСЯН Эдуард Врамович - доктор философских наук, профессор кафедры социологии Московского государственного института международных отношений.

Неуклонное усиление роли и значения этнонационального фактора в мировом развитии и в жизни отдельных стран, включая, разумеется, Россию, казалось бы, не оставляет благоприятной почвы для "произрастания" и распространения концепций национально-нигилистического толка. В действительности, однако, положение вещей выглядит иначе. Похоже, под определяющим влиянием социальной доктрины постмодернизма некоторые наши исследователи в последние годы встали на путь фактического отрицания объективной реальности этнонациональных общностей и истолкования их как следствия чисто субъективных установок, как политического инструментария и идеологического мифа. Наиболее рельефно и полно это проявилось в целом ряде публикаций директора Института этнологии и антропологии РАН В.А. Тишкова (правда, аналогичные взгляды высказывались им неоднократно и раньше).

Так, В.А. Тишков утверждает, что "национальная общность - это прежде всего общность национального самосознания ее членов, а не сама по себе групповая отличительность" [1, с. 5], что "нация - это политический лозунг и средство мобилизации, а вовсе не научная категория", что "это понятие как таковое не имеет права на существование и должно быть исключено из языка науки", что это "пустое слово", которому "наше малoproфессиональное обществоведение и большая политика" пытаются "придать значимость объективной категории" [2, с. 30, 34, 35, 37]. Другой автор Б.Г. Капустин заявляет: "нация не может быть уподоблена организму", ибо представляет собой явление "мира культурных символов, знаков, кодов, определенный и сложный их кластер" [3, с. 22]. А.Г. Здравомыслов, выдвигая концепцию релятивистской теории наций и рефлексивной политики, противопоставляя утвердившийся у нас объективистский "примордиалистский" подход достаточно распространенному на Западе (Э. Геллнер, Б. Андерсен, А. Смит) "модернистскому" подходу, во многом солидаризируется с последним и считает нации не исторически необходимо складывающимися сообществами людей, которым присущи свои интересы, но продуктом политических действий, мол, "государство создает нацию, а не формируется как результат отражения объективно заданных интересов народа" [4, с. 28].

Совершенно очевидно, суть здесь заключена не в продолжении многолетних и не очень плодотворных дискуссий о том, как точнее определить одно из фундаментальных понятий, а в принципиально ином концептуальном, методологическом подходе к важному социальному феномену и в вытекающем отсюда практически-политическом отношении к нему. Думается, налицо более или менее завуалированный этнонациональный и этнотерриториальный нигилизм. Как справедливо замечает Ю.А. Красин, социальный постмодернизм ведет к тому, что "за субъектом теряется объект, за различиями исчезает единство, за спецификой общность, за текучестью устойчивость и преемственность. В итоге исчезает сама социальность, а значит, и возможность ее изучения, то есть социальная теория" [5, с. 6].

Нация-этнос и нация-государство

Сначала о терминологии. Может показаться, что термин "этнонация" излишен, поскольку нацию и без того всегда рассматривали в качестве разновидности, формы этносоциальной общности. Но дело в том, что понятие "нация" постоянно и широко используется в двойном смысле: а) как *этнос*, когда, наряду с социально-классовым, социально-демографическим, социально-территориальным, социально-профессиональным и иным подразделением общества на социальные совокупности, выделяется и его социально-этническая дифференциация - членение на различные национальные и этнографические группы; б) как *согражданство*, политическое объединение граждан данного государства. Ясно, что если речь идет об этническом составе населения, например нашей страны, то, естественно, говорится о русских, татарах, якутах, башкирах, чувашах, калмыках и др., т.е. о нациях-этнотипах или этнонациях. Когда же имеется в виду государственное единство жителей России, независимо от этнической принадлежности, то нередко прибегают к термину "россияне", отражающему их общую гражданскую принадлежность. Точно так же, рассуждая о "национальной экономике" и "национальном доходе", "национальной безопасности" и "национальном идеале", мы понимаем под "национальным" не "этническое", а "государственное".

В таком двойном словоупотреблении нет ничего необычного и предвзятого. Правомерно, конечно, спорить о целесообразности или нецелесообразности обозначения одним и тем же термином качественно несходных явлений, процессов. Но при этом невозможно не признать, что это данность, за которой стоят объективные различия двух особых социальных общностей - этнической и государственной и с которой трудно не считаться. Принципиальные же возражения вызывает не само по себе разведение указанных понятий, а настоячивые и категоричные предложения отказаться от восприятия нации в этносоциальном аспекте, сохранив лишь ее понимание как согражданство. Не случайно полное неприятие В.А. Тишкова вызывают даже такие издавна закрепившиеся общепризнанные категории, как "национальный вопрос", "национальная политика", "национальная государственность", "национальные отношения", "межнациональные конфликты", которые также предлагается изгнать из якобы "паранаучной и саморазрушительной лексики советского и постсоветского обществоведения" [2, с. 30].

Можно по-разному определять понятие "нация", но нельзя не видеть глубокой социальной основы формирования, функционирования и развития этнонации, включая общность языка, своеобразную культуру, традиции, обычаи и прочие атрибуты уклада жизни. В приснопамятную пору абсолютизации и вульгаризации материалистического толкования истории проступала явная недооценка субъективных особенностей при характеристике этнонаций. Такие материальные факторы общественного бытия, как экономическая и территориальная целостность рассматривались не столько как общие условия и предпосылки, сколько как важнейшие и определяющие сущностные признаки этноса, в то время как имманентные свойства его облика либо вовсе отвергались, либо оставались в тени. Особенно показательно в этом отношении то, что длительное время не признавался даже такой очевидный признак нации, как общность национального (этнического) самосознания на том чаще всего основании, что он отмечен печатью субъективности. Но, преодолевая сегодня ограниченность и узость подобных воззрений, не следует бросаться в другую крайность - отрицать объективную социальную реальность этнонаций и усматривать в них порождение чисто субъективной этнической самоидентификации.

Личностная этническая самоидентификация - чрезвычайно важное обстоятельство становления и консолидации отношений. И тот факт, что мы обоснованно отказались от былого жесткого официального определения национальности как принадлежности лица к той или иной этнонациональной общности на основе кровного родства, конституционно обеспечив каждому демократическую свободу выбора, долгое время отстаиваемую многими исследователями, шаг в несомненно правильном направлении.

Вспомним происходившее в прошлом: с одной стороны, марксизм твердо и определенно провозглашал, что нация - прежде всего социально-историческая общность, а с другой, - на практике национальность человека пожизненно и жестко закреплялась государством по кровнородственному признаку. То было не только недемократично и негуманистично, но и несостоятельно с научной точки зрения.

Однако все это не должно вести ни к отрицанию подлинного существования этнонаций как более или менее целостных социальных организмов, конкретных форм групповой интеграции и в то же время специфических элементов объективной социальной структуры общества, ни к санкционированию субъективистского произвола при решении вопроса, какова национальная принадлежность личности. Самосознание этнонациональной принадлежности носит субъективный характер, а общность самосознания такой принадлежности (как разновидность коллективного сознания) объективна. Поэтому, когда А.Г. Здравомыслов размышляет "о референтной природе каждой из наций, равно как и любой иной этнической группы в современных условиях" [4, с. 24], то сие еще не означает, что они объективно не существуют: ведь общеизвестно, референтная группа может быть и воображаемой, и реально существующей.

Но вернемся к В.А. Тишкову. Долгое время поднимавшееся им на щит понятие "нация-государство" ("национальное государство") теперь самим же исследователем признается не способным "претендовать на научную категорию, ибо сегодня нет государств, входящих в Организацию Объединенных Наций (от Ямайки до Индии), которые считали бы себя не государствами-нациями" [2, с. 35-36]. Словом, введение понятий "нация-государство" и "нация-этнос" предстает оправданным только в силу необходимости разграничения человечества на общности государственные (согражданские) и общности этносоциальные (собственно национальные).

Да, все государства мира являются "нациями-государствами", потому что каждое из них представляет собой особое политико-территориальное единство (общность, объединение) граждан. И разве этот бесспорный факт противоречит тому, что в этносоциальном плане они подразделены на моноэтничные (однонациональные) и полиэтничные (многонациональные), т.е. "государства национальностей". Часто полагают, имея в виду результаты межгосударственной миграции, особенно бурно развернувшейся в послевоенные годы в Западной Европе и ряде других регионов, что ныне полиэтничность присуща чуть ли не всем странам. С таким утверждением, на наш взгляд, нельзя безоговорочно согласиться. Оно верно лишь отчасти и при том весьма условно. Действительно, в современном мире трудно найти страну, этнически абсолютно однородную, т.е. не претерпевшую никаких инонациональных включений. Но их наличие само по себе не делает государство многонациональным. И Германия, и Франция, несмотря на то, что иноэтничное население тут составляет немалую долю, и сейчас по сути остаются моноэтничными. Ведь важно различать страны, где волей судьбы нашли приют представители отдельных национальностей, и страны, где на исторически определенной территории устойчиво расселились целые этносы. И хотя те и другие обычно именуется многонациональными, тем не менее, строго говоря, таковыми правомерно считать лишь последние. Оттого вряд ли можно признать корректными и расхожие формулы, будто в той или иной стране СНГ насчитывается до 100, 130 или даже 150-180 наций. Скажем, в Российской Федерации проживают десятки тысяч этнических китайцев, чехов, словаков и даже несколько сот тысяч поляков, немцев, армян и проч., однако это не означает, что здесь обосновались соответствующие нации, а не разрозненные национальные группы.

В свете общей позиции, занятой В.А. Тишковым, нет ничего удивительного и в том, что его явное неудовольствие вызывает положение Конституции РФ о "многонациональном народе России", которое предлагается заменить другим - "многонародная нация" [там же, с. 36]. Наверное, такая подмена не улучшит ее текста, внесет немало спорного. Да и недопустимо в Основном Законе страны опираться на сугубо субъективную, дискуссионную интерпретацию основополагающих дефиниций и не считаться с утвердившимся в обществе их пониманием. Надо ли убеждать, что народ

страны, безусловно, явление более широкое, чем нация (этнос) и по этой причине не он должен рассматриваться как часть нации, а та или иная этнонация - как часть многонационального народа. К тому же словосочетание "многонародная нация" вновь и вновь ставит под вопрос признание реальности самостоятельных этнонаций, поскольку наций внутри нации быть не может. Напротив, понятие "многонациональный народ" четко выражает единство (гражданское) в многообразии (этнонациональном).

И наконец отметим, что в работах В.А. Тишкова невозможно обнаружить каких-либо веских научных доказательств того, что этнонация не есть реальная социальная общность и служит лишь политическим лозунгом, инструментарием и средством мобилизации. Зато они пестрят постоянными общими ссылками на мировую науку, из которой почему-то постоянно исключается как советская, так и постсоветская наука. Бесспорно, в нашей и западной социальной мысли сложилось неординарное понимание и использование ряда важных категорий, в том числе и в области национального вопроса. Нет сомнения и в том, что надобно предать забвению былые идеологические догмы и учитывать зарубежный научный опыт. Но зачем, спрашивается, отказываться от использования понятий, которые для нас, как и многих зарубежных ученых, вовсе не химерические призраки, а теоретически отраженная общественная реальность, наполняющая конкретным содержанием политику и практику. Нужно ли подменять подлинную научную аргументацию простыми ссылками на закордонный авторитет, ранее как бы предполагая ошибочность всего того, что делалось и делается нашим обществознанием, занимающим, согласно В.А. Тишкову, якобы маргинальные для мировой науки теоретико-методологические позиции [там же, с. 30].

Затронем еще одно немаловажное для данного разговора понятие - "национализм". В отечественном обществоведении давно и вполне оправданно сложилось достаточно строгое разграничение определений "национальное" и "националистическое". Одно дело - естественные чувства любви и приверженности к своей этнонации, забота о ее благе, сохранении и свободном развитии родного языка, культуры, традиций и совсем другое - противопоставление на этом основании своего этноса другим, неуважительное, пренебрежительное, негативное отношение к чувствам и интересам других наций. Теперь же нам предлагается, опять-таки со ссылкой на мировую науку, признать и то, и другое национализмом, а его основным проявлением - восприятие этнонации в качестве особого социального единства и признании за ним права на создание собственной государственности. В.А. Тишков пишет: "Мы определяем постсоветский национализм (точнее - этнонационализм) как доктрину и политическую практику, основанную на понимании нации как формы этнической общности, обладающей членством на базе глубоких исторических и других объективных характеристик, и проистекающем из этого коллективного членства праве обладания государственностью, включая институты, ресурсы и культурную систему" [там же, с. 34]. Принявшим этот тезис придется ничтоже сумняшеся одним и тем же понятием обозначать качественно различные и даже противоположные явления, что вряд ли может способствовать научному и общественному прогрессу. Да и в обыденном сознании нет никакого резона насаждать, вопреки утвердившемуся, мнение, что человек, любящий свой этнос, поддерживающий его государственность и культуру, - это националист, что патриотизм - это "гражданский национализм", а во всем, что делается в интересах развития национальностей и их государственности, видеть "безраздельно господствующий этнонационализм как в науке, так и политике" [там же, с. 31-32].

Итак, понятия "нация", "национальное", "национализм" имеют неоднозначную трактовку и используются в двух аспектах - этническом (этносоциальном) и государственном (политическом). За этим - объективное различие этнических и государственных общностей. Попытки противопоставить их друг другу и признать единственно правильным только одно, второе значение неизбежно ведут к этнонациональному нигилизму, который особенно неприемлем в многонациональной стране.

Этнонация и государственность

Этнонациональный нигилизм тесно взаимосвязан с нигилизмом национально-государственным. В самом деле, если этнонация - не объективно существующая общность людей, а только продукт субъективной самоидентификации, явление культурных знаков и символов, то вполне понятно, почему отрицается и этнонациональная государственность. Заметим, еще в конце 80-х - начале 90-х гг. В.А. Тишков и иже с ним выступили против этнонациональной государственности и национально-государственного федерализма (см. [6, 7, 8]). Нам уже в то время пришлось подвергать критике такие позиции [см. 9]. С тех пор прошло почти целое десятилетие. И хотя ни теория, ни практика в нашей стране вполне обоснованно не приняли эту линию, было бы серьезной ошибкой недооценивать ее опасность, тем более, что число сторонников подобных воззрений увеличивается и их активность периодически растет вплоть до требования возвести национально-государственный нигилизм в ранг официальной политики.

Очень часто дело изображают так, будто национально-территориальный федерализм и национальную государственность придумали и искусственно насадили в России большевики. Это не соответствует действительности. Во-первых, хорошо известно, что теоретически марксизм никогда не предусматривал федерализма, который признавался как исключение из общего правила, во имя решения национального вопроса. Во-вторых, не менее известно, что В.И. Ленин и его партия вплоть до 1917 г. последовательно отстаивали план построения унитарного централизованного государства с автономией областей и решительно возражали против федерализации. В-третьих, эволюция отношения большевиков к национально-государственному устройству страны - от областного самоуправления ко все более широкой автономии и от нее к национальной государственности и федерации - была объективно обусловлена прежде всего бурным ростом национальных движений в тогдашнем российском обществе. В-четвертых, целый ряд немонархических партий и организаций различного направления задолго до революции выдвигали всевозможные федералистские проекты, в том числе на национально-территориальной основе. Не будем упускать из виду и того, что положение о федеративном устройстве входило в программу Учредительного собрания. Ленина, пожалуй, можно даже упрекнуть в запаздывании признания целесообразности федерализовать будущую Россию, поскольку такая задача была поставлена лишь после Октября.

Современному национально-государственному нигилизму свойственно отрицание какой-либо положительной роли федерализма и национальной государственности в истории России и СССР. При этом неправомерно отождествлять опыт национально-государственного строительства до конца 20-х гг., когда еще можно было говорить в целом о реальном становлении федералистских устоев в стране, и в последующий период, когда вместе с утверждением командно-административной системы и тоталитаризма федерализм стал носить фиктивный, чисто номинальный характер. Ход же рассуждений наших нигилистов примерно таков: коль скоро тоталитарная система, неэффективная экономика, межнациональные трения возникли у нас в рамках федеративного государства, построенного по национально-территориальным принципам, то как раз им, этногосударственным формам жизнедеятельности, мы и обязаны всеми несчастьями, обрушившимися на страну.

Методологическая абсурдность сей "логики" прозрачно ясна. Не следует причину делать следствием, а следствие причиной, не надо забывать, что федерация и автономия - это именно формы, чья судьба в решающей мере определяется содержанием государственной власти, на базе которой они создаются, функционируют и развиваются, а не наоборот. Нет, не федерализмом и национальной государственностью порожден тоталитаризм, как это утверждали Ю.В. Бромлей и С.В. Чешко [8, с. 4], а тоталитаризм привел к квазифедерализму и квазиавтономизму. СССР распался не потому, что его национально-государственная конструкция была изна-

чально несостоятельна, а потому, в частности, что подлинная федерализация и автономизация невозможны в условиях антидемократизма, отсутствия местного управления, господства сверхцентрализации. В лице СССР потерпел поражение не национально-территориальный федерализм как таковой, а его унитаристская, сталинская модель. Поэтому важно не отказываться от федерализма и национальной государственности, не терять веру в их возможности, но искать их действительно новые принципы и формы на путях радикального демократического и гуманистического обновления российского общества и государства.

Осмысливая примечательные особенности, характеризующие сегодняшнюю Россию, приходится с очевидностью констатировать, что: а) она относится к числу стран со сложнейшим этнодемографическим составом, б) при всем усилении межнациональной, межрегиональной подвижности населения и росте многонациональности республик, подавляющее большинство ее коренных народов компактно проживают на своей этнической территории, в) не только в дооктябрьскую эпоху, но и многие десятилетия послеоктябрьского периода эти народы при тоталитарном и сверхцентрализованном режиме были лишены реальной национальной государственности, г) вместе с социальным прогрессом постепенно росло их национальное самосознание, которое отчетливо усилилось в результате крушения тоталитаризма и перехода к демократии, д) последствия допущенных в советском прошлом грубых ошибок и даже преступлений в осуществлении национальной политики (вопиюще проявившихся в незаконной ликвидации государственности целого ряда этнических групп и насильственной депортации некоторых из них, упразднения сотен национальных районов и тысяч национальных сельсоветов) до сих пор так и не преодолены еще полностью и дают о себе знать.

Возможно ли все это и многое другое сбрасывать со счетов, решая, нужны или не нужны России действительный федерализм и реальная демократическая национальная государственность? И стоит ли в свете сказанного удивляться тому, что народы страны видят в упрочении этих институтов одно из важных направлений настоящей демократизации общественной жизни, серьезную гарантию своего свободного развития, сохранения самобытных национальных ценностей? Надобно также брать во внимание, что страна оказалась в глубоком социально-экономическом кризисе и совсем недавно приступила к демократическим преобразованиям, что утверждение гражданского общества и правового государства является сравнительно отдаленной перспективой, что в довершение всего заметно обострились межнациональные отношения в ряде регионов, где этнонациональные различия проявляют высокую устойчивость, а интенсивные этноассимиляционные процессы затрагивают относительно небольшую часть социума.

Размышляя абстрактно-гипотетически, позволительно сконструировать идеальную схему, в русле которой примерно за столетие последовательно демократического и гуманистического совершенствования многонациональное государство создает такую социально-политическую систему, которая способна чутко и внимательно учитывать интересы и запросы народов и национальных меньшинств, вследствие чего они не станут уже нуждаться в особых, специфически-национальных политических институтах (национально-территориальная автономия, национально-территориальный федерализм и др.) и смогут удовлетворяться лишь национально-культурной автономией и даже общегражданским равноправием. Но такая умозрительная схема была бы очень далека от современной российской реальности. Посему, отнюдь не увековечивая нынешние национально-государственные черты России, не будем вместе с тем необоснованно забегать вперед, ратовать за то, что не может и не должно осуществляться сегодня и даже завтра, а встанет в порядок дня в достаточно отдаленном будущем.

Успешно набирающая силу в течение нескольких десятилетий западно-европейская интеграция стала возможной благодаря исторически длительному демократическому развитию наций в рамках своих государств и их сохранению по крайней мере в

ближайшей перспективе. Создание Европейского Союза и углубление его интегративных начал вовсе не означает исчезновения суверенности Германии, Франции, Англии или Бельгии. Просто-напросто экономические, культурные и политические грани, отличающие эти страны, исподволь, поэтапно сглаживаются, преобладают под воздействием совместных потребностей, интересов и с общего согласия. Иными словами, все говорит о том, что, хотя государственность не предстает неотъемлемым атрибутом этносоциальных общностей, она, несомненно, служит важным условием и фактором их консолидации и прогрессивного развития. Конечно, этносы складываются и независимо от наличия или отсутствия у них государственности. Достаточно напомнить, что в мире насчитывается две-три тысячи этнических общностей, тогда как государств - членов ООН - менее двух сотен. Правда, многие народы располагают государственностью внутри многонациональных государств в автономных и иных формах самоуправления.

Однако сам по себе факт обретения собственной национальной государственности в любой форме не возводит народность в нацию. И было бы наивным ожидать превращения, к примеру, гагаузов Молдавии в таковую незамедлительно по ходу образования ими три-четыре года назад своей республики Гагауз-Ери, о чем, кстати, пишет и В.А. Тишков [2, с. 35]. Для этого потребуются не годы, а десятилетия. Но при этом вряд ли могут возникнуть сомнения, подкрепленные солидными научными аргументами, что сформировавшаяся гагаузская государственность знаменует собой одну из важнейших вех на данном пути. Исторический опыт наглядно и убедительно свидетельствует о том, к каким иной раз серьезным негативным международным и внутригосударственным последствиям приводит ситуация с разделенными этносами, когда они лишены права на строительство собственной государственности в той или иной форме. В мировом масштабе наиболее ярко это иллюстрирует судьба курдов, в пределах России - положение лезгин, разделенных государственными границами Азербайджана и Дагестана.

Понятно, дело не в том, чтобы стремиться к созданию все новых и новых самостоятельных национальных государств на планете согласно принципу "один этнос - одно государство", что было бы другой, нерациональной и практически неосуществимой крайностью - сотни этносов довольно малочисленны и не имеют пока ни объективных, ни субъективных предпосылок для претворения в жизнь такого принципа. Кроме того, как уже отмечалось, многие этносы реализуют или должны получить возможность реализовать в будущем потребность иметь свою государственность, оставаясь в прежнем многонациональном государстве. Не ясно и другое: на современном этапе мирового (и российского) развития было бы преждевременным считать подобные национальные государства исключением из общего правила и политическим анахронизмом, от которого необходимо поскорее избавиться. Разве этнополитическая ситуация в полиэтничных странах ухудшается, а не улучшается в итоге создания в них при соответствующих условиях национально-территориальных автономий?

Нет жесткой связи между полиэтничностью населения страны и какой-либо формой национально-территориального устройства. Более половины из свыше двух десятков существующих в мире федеративных государств являются моноэтничными. С другой стороны, немало полиэтничных стран избрали унитарное политико-территориальное устройство. В одних обстоятельствах для решения этносоциальных проблем достаточно бывает обеспечить соблюдение всеми гражданами общего демократического порядка вне зависимости от этнической и расовой принадлежности; в других - целесообразно дополнительно использовать форму национально-культурной автономии; в-третьих, оказывается необходимым создавать национально-территориальную автономию; в-четвертых, обнаруживается потребность в использовании различных форм федерализма.

И еще об одном принципиальном моменте. Негативное восприятие национальной государственности часто базируется на ее неверном сущностном понимании. Привер-

женцы национально-государственного нигилизма не прочь изобразить национальную государственность как выражающую нужды только той нации или народности, которая дала ей имя. Но такое истолкование явно отдает националистическим душком, заведомым недоверием. Подлинно демократическое государство, предоставляя коренным этносам возможность реализовать принцип самоопределения, не может в то же время отказаться от полного равноправия граждан, независимо от того, к какой национальности они принадлежат, и стоит на страже всего общества. Так, Татарстан, как и любая другая республика, входящая в Российскую Федерацию, - это государственность титульной нации и одновременно государственность республиканского населения в целом, воплощающая и защищающая интересы и запросы не одних татар, но и представителей всех прочих национальностей, являющихся гражданами республики. В этом находит свое отражение единство национального и народного суверенитетов. Лишь такое действительно демократичное осуществление национальной государственности обеспечивает права этносов, исключает всякую дискриминацию по национальному признаку, всякое неравноправие, лишь такой национально-государственный подход не только не разделяет, но и позволяет сближать и объединять общество на интернациональной почве.

Историческая практика доказывает, что ничто так не затрагивает национальные чувства людей и не создает благоприятной атмосферы для роста национализма и сепаратизма, как ограничение их прав и свобод. Вот почему в наши дни истинно служат интересам упрочения российской государственности, единству и сплоченности многонационального русского народа отнюдь не те, кто подвергает сомнению реальность этнонаций как особых социальных общностей, кто призывает отказаться от закрепления за ними права на самоопределение, ликвидировать национально-государственные формы, перейти от федерализма к унитаризму, а те, кто усматривает в каждом этносе своеобразный социальный организм, требующий к себе чуткого и внимательного отношения, кто отстаивает путь становления принципиально новой федеративной модели, предусматривающей суверенность республик и самоуправленческую деятельность автономий, scrupulous учет специфических условий существования каждого из субъектов РФ.

В "Концепции государственной национальной политики Российской Федерации" указывается: "Оптимизация государственного устройства России на основе принципов федерализма находится в числе приоритетных задач внутренней политики страны. Этот процесс не преследует цели "губернизации" республики, или, наоборот, "республиканизации" краев и областей. Своеобразие русского федерального состава состоит в сочетании национального и территориального начал" [10]. Приведенная выдержка вселяет уверенность, что новая Россия избрет верный путь укрепления своей государственности, ничего общего не имеющий с этнонациональным и национально-государственным нигилизмом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тишков В.А. Что есть Россия? // Вопросы философии. 1995. № 2.
2. Тишков В. О нации и национализме // Свободная мысль. 1996. № 3.
3. Капустин Б. "Национальный интерес" как консервативная утопия // Свободная мысль. 1996. №3.
4. Здравомыслов А.Г. Релятивистская теория наций и рефлексивная политика // Интеграция и дезинтеграция в современном мире: Россия и Запад. М., 1997.
5. Красин Ю. Национальные интересы: миф или реальность? // Свободная мысль. 1996. №3.
6. Тишков В. Народы и государства // Коммунист. 1989. № 1.
7. Чеико С. Экономический суверенитет и национальный вопрос // Коммунист. 1989. № 2.
8. Бромлей Ю.В., Чеико С.В. О новой Конституции СССР // Советская этнография. 1990. № 5.
9. Коммунист. 1990. № 6; 1991. № 7; История СССР. 1991. № 6.
10. Российская газета. 1996. 4 июня.